

Фан Сынун лежал на кровати, прислушиваясь к ровному дыханию Юй Цюся. Уснуть, разумеется, не получалось.

Прошлое бурлило в мыслях бесконечной хаотичной кинолентой. Воспоминания вспыхивали без всякой логики, но были неразрывно связаны друг с другом. Мелькало лицо матери, сестры, но чаще всего перед глазами вставал Юй Цюся.

Постепенно этот беспокойный поток воспоминаний растворился в ночной темноте, застыв на картине одной ночи, которую они провели вдвоем.

Они впервые легли в одну постель на третий месяц отношений. В тот день Юй Цюся сильно перебрал, и Сынун на плечах приволок его в отель. Кровать была одна, но спали они строго плечом к плечу — без глупостей.

Сынун, разумеется, глаз сомкнуть не мог, всю ночь мечась между благочестием праведника и порывом донжуана. Быть святошей ему не хотелось, к тому же он прекрасно знал, что Цюся из этих двоих точно выбрал бы последнего. Казалось бы, пользуйся моментом и бери свое... Но он так и не решился.

Пролежав бревном до середины ночи, он окончательно измучился. Не выдержав, сел, щелкнул тумблером ночника на самый слабый режим и покосился на спящего Юй Цюся.

И в тот же миг едва не лишился чувств от страха.

Юй Цюся лежал на спине, вытянувшись в струнку — ровнее, чем сам Сынун секунду назад. Мертвенно-бледное лицо, белоснежное одеяло натянуто до самого подбородка и расправлено без единой складочки. Это выглядело так, будто... Сынун отчаянно гнал от себя эту мысль, но та занозой засела в голове. Перед ним лежала покойницкая плоть.

Он с замиранием сердца поднес пальцы к лицу Цюся. Жив. Слабое, теплое дыхание коснулось кожи, и Сынун шумно выдохнул.

Живой.

На следующий день он попытался обратить все в шутку и подразнил его: как можно спать настолько смирно, да еще и после пьянки?

— Семейные правила, — равнодушно отозвался Юй Цюся.

Этого Сынун никак не ожидал. Изумленно вскинув брови, он попытался отшутиться:

— Что? Твои родители караулили у кровати по ночам, вместо того чтобы спать?

— Иногда и караулили, — подтвердил Юй Цюся. — Но чаще ставили камеру, а утром отсматривали запись.

У Сынуна мороз пробежал по коже. Сперва он подумал, что над ним издеваются, но лицо Цюся оставалось совершенно серьезным. Если это и была шутка, то актерская игра заслуживала «Оскара».

Он искренне не понимал:

— Но зачем?

— Они считали, что спать на спине полезно для здоровья, — обыденным, но серьезным тоном ответил Юй Цюся. — И выглядит благородно.

Долгое время Сынун полагал, что это очередная байка, но по мере сближения горькая правда открылась ему во всей полноте. С тех пор он затаил глухую неприязнь к безумным родителям своего возлюбленного. Хотя больше всего его брала оторопь.

Что вообще за семейка такая, где от ребенка требуют держать марку даже во сне?

Впоследствии Цюся полюбил спать в обнимку с ним. Наверное, потому, что в кольце рук «благородная» осанка рушилась сама собой. Сынун не знал, тосковал ли Юй Цюся по своему живому спальному талисману эти два года, пока они не виделись. Зато сам он с тех пор так и не смог нормально уснуть.

Ему было неведомо, вспоминал ли его Цюся, отличались ли другие «подушки» на ощупь, но сам он отчаянно тосковал по чужим объятиям. В самые черные ночи бессонницы он пытался спастись, искал хоть какое-то пристанище для измученной души. Но стоило представить рядом кого-то другого, как к горлу подкатывала тошнота, а сердце сжималось от невыносимой боли.

Учитель Вань качал головой и твердил, что Сынун слишком заиклился, что у него классический синдром утенка. Тот понимал: наставник прав. Но как это исправить?

К счастью, сейчас они снова лежали рядом. Пусть их и разделяло расстояние в ширину тумбочки, на душе у Сынуна впервые за долгое время стало спокойно.

Тук... тук... тук.

Сквозь рой путаных мыслей донесся едва различимый, ритмичный стук. Поначалу Сынун не обратил на него внимания, но, едва осознав этот звук, уже не мог отвлечься. Равномерные удары отдавались в висках, словно кто-то легонько бил там маленьким молоточком.

Он привык действовать сразу. Сынун уже собрался подняться, чтобы отыскать источник шума: ладно он сам мается бессонницей, но Цюся-то нужно отдохнуть.

Но в этот момент кто-то словно предугадал его намерение. Прохладные пальцы легли ему на глаза, мягко заставив опуститься обратно на подушку.

В темноте раздался тихий, чуть хрипловатый голос Юй Цюся:

— Ш-ш-ш, лежи. Спи давай.

Сначала до его обоняния долетел знакомый аромат, исходивший от запястья Цюся. Тот самый запах высокогорного снега и бескрайней степи, сквозь который едва заметно проступала терпкая нотка храмовых благовоний.

Раздражающий стук мгновенно отступил и затих. Сынуна словно окутало теплыми волнами ласкового моря, унося в тихую, безопасную гавань. Он провалился в глубокий сон и заново пережил прошлое.

Ему снова было двадцать. Он шел по узкой тропинке за общежитием киноакадемии.

Стоял погожий весенний день. Рядом шел Юй Цюся в светлой легкой рубашке. От его волос исходил тонкий, приятный аромат.

Сердце Сынуна колотилось как безумное, готовое вот-вот проломить ребра и выскочить из груди.

Собственный голос показался ему чужим — молодым, напускно равнодушным, но предательски дрожащим на выдохе:

— Юй Цюся, дай мне шанс, а? Ты мне... правда очень нравишься. Правда.

Мир вокруг заполнил оглушительный стук собственного пульса. Сынун почувствовал себя размокшей, а затем высохшей на солнце газетой — скукожившимся, ломким комком бумаги, готовым рассыпаться в прах от малейшего прикосновения.

Он растерянно опустил взгляд на свои поношенные кеды.

Белая парусина, купленная три года назад за двести десять юаней — самая приличная обувь, что у него была. Он берег их как зеницу ока, но на стигах все равно въелась серая грязь, которую ничем невозможно было отстирать, а ткань у люверсов давно пожелтела.

Он засунул руки глубоко в карманы и сжал кулаки до боли в суставах. Стыд мешался с удушающей паникой, а внутренний голос так и орал, разрывая сознание изнутри:

«Да как ты посмел? Кто ты такой, Фан Сынун, чтобы зариться на него? С чего ты взял, что достоин его?»

Но среди этой липкой тревоги вдруг пробилося странное предчувствие. В сознании отчетливо, до мельчайших деталей, проступила грядущая сцена: сейчас, буквально через пять шагов, Юй Цюся взойдет на бордюр клумбы, обернется к нему, и пламенеющие цветы пиростегии на кирпичной стене академии померкнут перед его красотой. Цюся мягко склонит голову набок, улыбнется и тихо скажет: «Хорошо».

И эти слова станут лучшим, что он когда-либо слышал.

Сладкое видение умерило его страх. Шаг, еще шаг, третий... И когда Юй Цюся у самой клумбы действительно вспорхнул на каменный парапет, Сынун ощутил, как внутри воцарился покой. Все шло именно так, как должно было случиться.

Он оторвал взгляд от старых пожелтевших кед и посмотрел снизу вверх на своего ангела.

Это мгновение растянулось до бесконечности.

— Извини, младший, — лицо Юй Цюся слегка расплывалось в слепящих весенних лучах. Он выглядел точно так же, как во все те горькие мгновения их прошлого: безупречно вежливый, неописуемо красивый — и бесконечно далекий, холодный, недостижимый.словно небожитель, парящий высоко над грешной землей.

Голос его ангела звучал мягко, точно теплый весенний ветерок:

— Но меня интересуют девушки. Прости. Надеюсь, ты найдешь того, кого по-настоящему полюбишь.

В ушах протяжно и тонко зазвенело. Сынуну показалось, что сердце у него в груди оборвалось и замерло навсегда.

В следующее мгновение он открыл глаза.

Перед ним был чужой, унылый номер, подозрительно напоминающий заштатную провинциальную гостиницу конца прошлого века. На соседней кровати комком валялось одеяло. Сквозь полупрозрачный дешевый тюль безжалостно пробивалось утреннее солнце. На занавеске у пола виднелась прореха: напечатанный на фабрике аляповатый цветок был разодран чуть не наполовину. Из ванной доносился шум бегущей воды.

Только теперь он смог перевести дух. Грудь судорожно вздымалась, возвращаясь к привычному ритму. Реальность медленно вставала на свои места: они заперты в жутком Театральном мире. И они вместе.

Расскажи кому — не поверили бы, но, очнувшись в этом кошмарном, полном опасностей месте, он испытал дикое, почти детское облегчение. Будто спасся из настоящей катастрофы.

Потому что никакие монстры и смертельные ловушки Театрального мира не пугали его так сильно, как мысль о том, что у них с Юй Цюся не было тех шести лет, когда они дышали в унисон и делили все горести и радости на двоих.

— Проснулся? Вставай, — Юй Цюся вышел из ванной, вытирая лицо бумажным полотенцем. — Пора на завтрак.

— Иду, — Сынун попытался ответить бодро, но голос предал его, прозвучав хрипло и глухо.

Цюся бросил на него быстрый взгляд и как бы невзначай поинтересовался:

— Кошмар приснился?

— Нет, все нормально, — Сынун поспешно сполз с кровати и, наспех одевшись, скрылся за дверью ванной.

Спустя пять минут они вышли в коридор. Едва переступив порог, Сынун так и застыл: прямо перед ними шуршал веником уборщик. У Сынуна неприятно закололо затылок — он смутно помнил, что вчера парень-проводник Ху Бай упоминал какое-то правило насчет обслуживающего персонала. Но детали, как назло, вылетели из головы.

Кажется... кажется, на них ни в коем случае нельзя смотреть?

Прежде чем он успел запаниковать, Юй Цюся сделал широкий шаг вперед и пошел чуть наискосок, своей прямой спиной полностью закрыв от него тщедушную фигуру уборщика.

Ровно в семь утра они спустились в столовую. Почти все постояльцы уже заняли свои места, не хватало лишь Линь Чжэ — того нелюдимого парня, который заселился в одиночный номер.

— Братец Фан! Братец Юй! — замахал им рукой Пу Тяньбай, едва они показались на пороге.

В центре обеденного зала стоял длинный массивный стол, за которым кольцом расселись выжившие. Сынун и Цюся опустились на свободные стулья по правую руку от Тяньбая.

— Как прошла ночь? Обошлось без происшествий? — негромко спросил Сынун, наклонившись к парню.

— Да все тихо! — весело отозвался тот. — Дрых как сурок до самого утра!

Сидевший неподалеку Хуа Тяньсяо прыснул в кулак и ехидно процедил:

— Ну и животное.

Тяньбай ожёг его свирепым взглядом, но устраивать сцену при всех не стал.

С другого конца стола подала голос Юань Гуаньцзюнь. Она обратилась к мужчине и женщине, чьи комнаты также находились на шестом этаже:

— Вы когда спускались, Линь Чжэ не видели?

Девушка покачала головой:

— Нет. Из его номера не доносилось ни звука.

Юань Гуаньцзюнь мрачно переглянулась с Цзин Шипином и другими опытными игроками.

— Похоже, отбегался малый, — подал голос Лу Шэн.

Хуа Тяньсяо, вечно жаждущий оказаться в центре внимания, тут же влез в разговор:

— Что значит «отбегался»? О чем вы вообще?

Яо Ван окинула его тяжелым, полным глумливого торжества взглядом и отдельно, смакуя каждое слово, произнесла:

— Первая жертва.

От ее замогильного тона у любого поползли бы мурашки по коже, но шоумен Хуа Тяньсяо воспринял это как идеальную подачу для телешоу. Наигранно округлив глаза, он схватился за щеки:

— Мертвец?! Вы серьезно?!

— Вам что, ваш драгоценный проводник забыл об этом рассказать? — Лу Шэн с прищуром покосился на Юй Цюся и буркнул: — В этом проклятом месте каждый день кто-то должен протянуть ноги. Как минимум один покойник в сутки — таков закон.

— Да ладно?! — Хуа Тяньсяо в ужасе прижал ладони ко рту.

Новички за столом побледнели, хотя весь их искренний страх безнадежно потонул в этой клоунаде.

— Значит, пареньку не повезло, — вальяжно потянулся Чу Шэньнань. — Но вы не унывайте. Радуйтесь, что до заката у вас есть передышка. Сейчас вам точно ничего не грозит.

Не успели затихнуть его слова, как тяжелые двери столовой с грохотом распахнулись. На пороге стоял взъерошенный и живой Линь Чжэ.

— Извините, проспал! — запыхавшись, крикнул он с порога.

Окинув присутствующих растерянным взглядом, парень натянуто, явно преодолевая неловкость, улыбнулся:

— Раз еду уже принесли, чего вы сидите? Кушайте, меня ждать не нужно было.

<http://bllate.org/book/20607/2112340>